

Иван Обухов

Чимитеро

Иван Обухов

Чимитеро

«Издательские решения»

Обухов И.

Чимитеро / И. Обухов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857131-2

В мистической, с элементами абсурда, повести И. Обухова «Чимитеро», развёртываются две сюжетные линии. Первая из них — любовная, вторая — авантюрная и почти детективная и, кажется, обе — вне времени и конкретного пространства, как змеи сплетаются друг с другом, чтобы поглотить. «Чимитеро» — литературный уроборос, вечный круг рождений или удавка... Впрочем, как всегда, решать читателю. Данил Семёнов. Кандидат искусствоведения, журналист.

ISBN 978-5-44-857131-2

© Обухов И.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Чимитеро

Иван Обухов

...надпись на камне гласила:
«Чаю воскресения мертвых»
XXII, Слова

© Иван Обухов, 2017

ISBN 978-5-4485-7131-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подлинно, прав был Луций, когда говорил, что нет места более подходящего для встречи, если ты стремишься не единственно лишь удалиться от города и посторонних взглядов, но и насладиться ненамеренной красотой здешней с близким другом, *con esso*¹ ты придёшь сюда, чтобы найти отдых и взаимную беседу.

Чимитеро: здесь всё превращается в прах и будущее – вот оно! Обрати взгляд свой на могильные камни, стоящие вокруг нас. В буквах на них вся страсть и поэзия Рима, его мудрость и печаль, страх его и его гений. Эти камни кричат и бранятся, изо всех сил стараясь отпугнуть человека, пришедшего сюда. Они проклинают бесчинства пьяниц и жажду лёгкой наживы гробокопателей. Гранитные голоса мёртвых заклинаят оставить, наконец, их в покое и молят манов оградить могилы от циничных поступков живых. *Inter illis lapides mea lapis est*,² на нём начертал я то, что хочу начертать на сердце твоём: «Прочти и поверь! Это так, так это и не может быть иначе».

Друг мой, ты видишь, сколько лежит здесь славных граждан, верных мужей, добрых жён, счастливых рабов – слова на камнях, высеченные теми, кто не мог не лгать. Здесь каждый сам высек себе эпитафию. Так на этой земле учат заботиться о грядущем. Смотри, каков *этот* Рим, укрытый каменным одеялом, но, как ребёнок не желающий засыпать – здесь само утверждение жизни! Сюда ведёт дорога из вечного города. Он, как умный юноша при жизни ещё поставил себе памятник.

Ты, без всякого сомнения, догадываешься, что разговор наш не будет простым. В этом месте даже птицы не поют, а, словно, изредка, встревоженно что-то сообщают друг другу. Если сочтёшь услышанное здесь от меня за исповедь, ты не будешь далёк от правды. Возможно, именно в исповеди я сейчас так остро нуждаюсь. В любом случае, *amicum*,³ выслушай меня до конца, ты единственный, кому я могу всецело доверить то, что сейчас расскажу.

Ей не было и двадцати, когда мы познакомились. Во время паренталий мне случилось посетить Марка, ты знаешь его обычаи, не заслуженно обвиняемый завистниками в скупости руки, он всегда ставит на стол лишь отборную пищу и много. Этому он научился у внимательных родителей, оставивших сыну в наследство *pop solum*⁴ фамильный особняк, плодородные виноградники и чуть ли не более двух десятков рабов, но и набор исключительных добродетелей среди которых есть и щедрость, с которой он принимает гостей и скромность, не позволяющая самому навязывать ответный визит. Вспоминая о родителях, мы достаточно выпили вина в тот день, сидя в кудрявой тени утопающей в зелени перголы. Марк тогда справедливо заме-

¹ С ним (лат.).

² Среди этих камней есть и мой камень (лат.).

³ Друг (лат.).

⁴ Не только (лат.).

тил, что не те вещи, которые мы уносим с собой, истинно важны, а те, что, напротив, оставляем в служение потомкам. Но оставлять здесь нечто безвременное, вечно жить, превратившись в дух, поселившись в своём творении – эгоистично, быть мёртвым и общаться с живыми, учить чему-то, лёжа в могиле, по его мнению, слишком самонадеянно. Он тут же вспомнил байку о шуте, просившем мертвеца передать Августу в загробный мир жалобу на правление Тиберия и, как считает Марк, потерпевшем заслуженное наказание. Зеркально отразив *sensum*⁵ приведённого сюжета, он обвинил нас, поэтов, в том, что мы вечно радуемся, влюбляемся, пьём вино, льём слёзы и ничего не даём взамен, кроме сладких слов. Мне быстро наскучило выслушивать доводы о бессмысленности нашей профессии от человека, который сам в тайне пишет оды. Впрочем, такое движение мысли сейчас не в новинку: законодворец ставит себя выше написанного им закона, а сеятель нравственных идеалов считает возможным в кругу приближённых эти идеалы попираить, видимо, в качестве награды за упорный и ежедневный труд порицать чужие грехи, реже встречаются поборники чистоты, прославляющие кинедов, но есть и такие.

Выйдя от Марка, я направился в самый низ улицы, туда, где из каменной львиной пасти, разрываемой женскими руками, вытекала тонкая струйка питьевой воды, но утолить жажду мне не было суждено, ибо к фонтану, держа в руках большую охапку фиалок, подошла она – Виола, нежная, как весенний росток женщина и попыталась умыть лицо. В момент, когда она наклонилась, цветы, выскользнув из её объятий, упали на землю. Я приблизился, дабы помочь их собрать.

Виола шла на чимитеро почтить память погибшего мужа. Он был сборщиком винограда: профессия, своей опасностью вынуждающая трудягу заранее готовить себе погребальный костёр. Однажды Фортуна повернулась к Феликисиму Эннею – мужу Виолы спиной и тот смешал свою кровь с виноградным соком.

«Когда человек умирает, он вдруг становится тебе неприятен, возможно, не признаваясь себе в этом, ты начинаешь испытывать отвращение к телу, которое какое-то время назад ласкала и покрывала поцелуями и, ждёшь, когда же, наконец, унесут отсюда эту мерзость – труп – вещь, которую все стараются обходить стороной» – размышляла она. Я ответил ей, что и сам допускал мысль о том, как в детстве, мы инстинктивно уничтожаем всё, кажущееся нам неэстетичным, взрослея, мы лишь становимся менее радикальными, но всё так же не любим сломанных предметов, страшных и грязных бродяг мы сторонимся, с негодованием топчем насекомых, ползающих под ногами. Мы терпеть не можем грязь, хоть сами целиком состоим из грязи. Эстетика в какой-то момент становится для нас выше морали, может быть, в тот момент, когда нам начинают запрещать играть *per lusus naturae*.⁶

Мы говорили долго, всю дорогу до кладбища. Сейчас я уже, правда, не помню, как случилось то, что пошёл сюда вместе с ней. К концу пути она стала заметно прихрамывать, кажется, поранилась об острый камень на дороге. Я предложил ей сделать привал, но она лишь отшутилась: «Если что-то тебе мешает, значит, ты на верном пути».

Она украсила цветами могилу, постояла немного в молчании и мы двинулись обратно в город. Всё абсурдно, ибо всем управляет время.

Ночью, лёжа рядом с ней под одним одеялом, я прислушался к её дыханию. Мерные вдохи и выдохи, казалось, заставили космос остановить свой ход. Её дыхание разливалось в темноте, в полной статике. Каждый новый вдох не был вторым или третьим, он был *её вдохом* – звуком, раздающимся в пространстве, лишённом начала и конца.

Я положил голову ей на грудь и всё, чего я по-настоящему хотел в тот момент – чтобы стук сердца, который я слышал, никогда не прекращался.

⁵ Смысл (лат.).

⁶ С уродом (лат.).

Выйдя на балкон, вдохнуть свежий, сырой воздух я посмотрел на небо – в нём мерзко светились жёлтые звёзды.

Где-то в дали глухо звучало «диско». Я понял тогда, что люблю.

Следующим вечером, я разложил перед ней Таро. Раскладывая, я читал стихотворение, сочинённое мной ещё в годы юности, когда в крови моей были лишь вино да кикеон, а головы, кажется, вовсе не было на плечах.

Двадцать два символа передо мною возникли,
Стражники царства Луны и тайны великой защита.
Есть среди них и Дурак и Отшельник с клюкою,
Есть Император с женой, Иерофант и Папесса.

Повешенный, пара Влюблённых и Маг у пентакля.
Средь них и Фортуна и Сила правят той Колесницей,
Что мчится к обрыву, где Смерть и Суд страшный
Ждут нас. И Дьявол там есть и Умеренность – Время,

Что не помешают, когда ты захочешь построить
Башню слоновой кости иль добыть с небосклона
Звезду обнажённой рукою. И, наконец, Справедливость
В Мире настанет, когда путь начну свой под Солнцем.

Выпали: Дурак, Маг, Императрица, Император, Иерофант и Отшельник. Она, смеясь, попросила меня выдумать сказку с сюжетом, где бы непременно присутствовали эти шесть карт. Выслушивать скучные толкования одного расклада Виола наотрез отказалась, и мне пришлось выполнить её условие. Я рассказал ей сказку.

Иван Суднищиков шёл по раскалённой лучами луны дороге. Если бы вы сейчас затаились где-нибудь неподалёку от той дороги, в рощице молодых ив, или за глиняным пригорком и стали бы пристально разглядывать пространство вокруг, вы бы увидели весело шагающего невысокого человека одетого *simply, but tastefully*.⁷

На нём добротного казинета черничный сюртук (надо сказать, что сюртук изначально был белым, но Суднищиков случайно завернул в него целое лукошко черники, принесённое им из леса) ста сантиметров в длину и шестидесяти в рукаве, с отложным воротником. Двубортную застёжку сюртука украшают восемь медных пуговиц, каждая диаметром три сантиметра, сделанные на заводе «Шлосмейер» в промежутке между девятью и одиннадцатью утра, шестого сентября тысяча девятьсот одиннадцатого года из меди, что была привезена на «Шлосмейер» с западной части Карпат сербом по кличке Серп и, проданные месяцем позже, вместе с остальной партией в сто двадцать две штуки портному Карлу Густаву Ромбе, что и приделал их к сюртуку шёлковыми нитками производства Фрица Цвики. На одной из пуговиц, при ближайшем рассмотрении, будет хорошо заметен след от ногтя, о происхождении данного следа можно узнать, пролистав «*Histoire traces*»⁸ Жана Кьювье, а мы двигаемся дальше по карте складок и карманов – одежде Ивана Суднищикова. На некогда светловолосой голове Суднищикова, красуется фетровый котелок, подаренный друзьями в честь дня святого Брендана. Тонкие ноги Суднищикова обтягивают штаны простого кроя с двумя боковыми карманами. Завершают сей нехитрый наряд коричневые кожаные туфли сорок первого размера.

⁷ Просто, но со вкусом (англ.).

⁸ История следов (фр.).

Туфли эти были приобретены Суднищиковым по случаю снижения цен в магазине «Олд Крю» у обувщика с огромным стажем обувания своих клиентов Джеймса К. Абрамса.

Одетый таким образом фронт Иван Суднищиков неспешным шагом, больше напоминавшим порхание воробья, пройдя сквозь хлещущий по лицу то веткой калины, то берёзы, пахнущий смолой смешанный лес, отдаваясь короткому сну на голой земле, отбиваясь от диких животных, или попросту скрываясь от них на деревьях, коих, благо, в лесу немало, приблизился к населённому пункту с коротким, но сильным названием – Рим.

Не найдя приюта ни на одной из plaza⁹

⁹ Площадей (ит.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.